

УДК 811.1

Об ономасиологическом подходе к сопоставительному синтаксису русского и английского языков

Бобкова Ольга Игоревна

Преподаватель,
кафедра сопоставительного изучения языков,
факультет иностранных языков и регионоведения,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119192, Российская Федерация, Москва, Ломоносовский пр., 31, корп. 1;
e-mail: olgabobkova8@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые перспективы проведения сопоставительных исследований на уровне синтаксиса в ономасиологическом аспекте на примере русского и английского языков. Большинство сопоставительных исследований, проводимых в семасиологическом аспекте, не ставят своей задачей полное и системное описание глубинных причин наблюдаемых расхождений в способах синтаксического оформления одного и того же содержания, тогда как причины этих расхождений настоятельно требуют изучения. В статье предпринята попытка продемонстрировать, что ономасиологический подход дает возможность раскрыть некоторые глубинные причины синтаксического своеобразия языков. Такими причинами могут, например, являться: несовпадение систем лексических значений в разных языках; распределение значений между корневыми и словообразовательными морфемами, а также сложившиеся техники указывания на реляционные отношения (синтетические и/или аналитические).

Для цитирования в научных исследованиях

Бобкова О.И. Об ономасиологическом подходе к сопоставительному синтаксису русского и английского языков // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 1А. С. 479-488.

Ключевые слова

Семантика, сопоставительный синтаксис, семасиологический подход, ономасиологический подход, русский язык, английский язык.

Введение

Вопрос о том, почему языки такие разные, интересовал людей с древности. Однако активно обсуждаться этот вопрос начал только в середине XX века. Сопоставительные исследования развивались в двух основных направлениях. Во-первых, это концепции, в рамках которых исследуется культуроспецифичность языков (например, концепция Сепира-Уорфа [Сепир, 1993], исследования А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1996]). Во-вторых, это сопоставительные типологические исследования, которые легли в основу сопоставительных грамматик. Первые ориентированы, в основном, на выявление и описание наблюдаемых различий и объясняют их особенностями «менталитета» или «национального характера». Сопоставительные же исследования рассматривают, в основном, логико-формальные признаки сопоставляемых языков. Они, как правило, проводятся в семасиологическом аспекте и не ставят своей задачей полное и системное описание глубинных причин наблюдаемых расхождений в способах выражения одного и того же содержания.

Чрезвычайно важным представляется выявление и описание не только фактов, но и причин и способов существования языкового своеобразия, что, по-видимому, может быть сделано только при условии осуществления сопоставительных исследований в ономасиологическом аспекте, который предполагает исследование способов выбора языковых единиц для выражения определенного содержания. Особенно же острой представляется необходимость изучения семантики предложения, поскольку исследование плана содержания единиц более крупных, чем слово, долгое время оставалось вне поля интереса лингвистики. Действительно, план содержания предложения становится объектом самостоятельного и целенаправленного изучения только во второй половине XX века. При этом попыток сколько-нибудь полно и последовательно исследовать семантическое содержание предложений в сопоставительном аспекте, рассмотреть способы выражения одного и того же содержания в разных языках и выявить мотивировку наблюдаемых расхождений не предпринималось.

Ономасиологический подход к сопоставительному синтаксису

На неспособность сопоставительных исследований, проводимых в семасиологическом аспекте, объяснить расхождения в способах выражения одного и того же содержания в разных языках обратил внимание М.Ю. Федосюк. В статье, посвященной сопоставительному синтаксису русского простого предложения в аспекте активной грамматики, он сравнивает сообщение о гибели человека – «он погиб» – в русском языке и его переводы на английский и польский (на примере цитаты-сообщения о смерти Берлиоза из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводов на английский¹ и польский языки) [Федосюк, 2005, 9-18].

Сопоставляя русское – «он погиб» – с его английским переводом – «*he is dead*», М.Ю. Федосюк отмечает, что помимо формального синтаксического расхождения сравниваемых пред-

¹ М.Ю. Федосюк обращается к переводу романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» [Bulgakov, 1996].

ложений (русскому предложению с простым глагольным сказуемым в форме прошедшего времени здесь соответствует английское предложение с составным именным сказуемым в форме настоящего времени), неэквивалентны и планы содержания этих сообщений. Во-первых, русское «он погиб» информирует о преждевременной и неестественной смерти, в отличие от русского «он умер», сообщающего о смерти по естественным причинам. Английское «*he is dead*» такой информации не несет. Неэквивалентны также по своему значению и английское «*he is dead*» и его русский синтаксический аналог «он мертв». Мертвый – это «такой, который умер и не проявляет признаков жизни в момент наблюдения» [Евгеньева, 255]. Английское же «*he is dead*» применимо, в том числе и к лицу, давно ушедшему из жизни.

Из этого последнего сопоставления М.Ю. Федосюк делает следующее наблюдение. Составное именное сказуемое русского языка, имеющее в своем составе прилагательное «*мертвый*», приписывает субъекту только временный, непосредственно наблюдаемый признак, тогда как составное именное сказуемое, имеющее в своем составе прилагательное «*dead*» английского языка, может приписывать субъекту как временный, так и постоянный признак.

Это наблюдение представляется чрезвычайно важным, поскольку, как справедливо замечает М.Ю. Федосюк, оно наглядно демонстрирует, что эти и подобные им расхождения детально могут быть объяснены только с позиций ономаσιологического подхода. «Как правило, одно и то же содержание может быть достаточно адекватно передано при помощи нескольких разных вариантов выбора структурных схем. При этом тот выбор, который делает говорящий, бывает обусловлен, во-первых, коммуникативными намерениями этого говорящего, во-вторых, особенностями лексических систем разных языков и, в-третьих, спецификой их узусов. Подход к сопоставительному изучению языков с этих позиций позволяет не только обнаружить сходства и различия между языками, но и вскрыть причины указанных сходств и различий» [Федосюк, 2005, 17].

Очевидно, что объектом таких ономаσιологических исследований должна являться та внеязыковая ситуация, которая находит различные синтаксические оформления в разных языках, а точнее «не конкретные, единичные ситуации или конкретные системы предложений, а обобщенные, типовые ситуации и системы» [Сусов, 1974, 60]. В лингвистике существует давняя традиция классифицировать такие типовые внеязыковые ситуации. В современной теоретической лингвистике семантические типы предложения исследуются в работах Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, В.Г. Гака, Т.Б. Алисовой, Ю.С. Степанова, О.Н. Селиверстовой, Т.В. Булыгиной, М.Ю. Федосюка и многих других. Как уже говорилось выше, исследователи традиционно подходили к построению типовых внеязыковых ситуаций в семасиологическом аспекте, выделяя смысловые компоненты предикатов, как дифференциальные признаки для определения семантического типа, выражаемого той или иной предикативной конструкцией, в то время как перспективы объяснения наблюдаемых расхождений открываются именно в поле ономаσιологических сопоставительных исследований.

Объектом таких исследований могут являться описанные в лингвистической литературе универсальные семантические категории (действие, свойство, состояние, квалификация и др.),

а предметом – пары актуальных высказываний, передающих один и тот же актуальный смысл, то есть семантически эквивалентные пары предложений. Такие пары могут быть извлечены из оригинальных текстов и их переводов на иностранный язык.

Попробуем продемонстрировать на примере русских и английских сообщений со значением свойства, как обсуждаемые здесь ономаσιологические сопоставительные исследования могут уточнить, а в некоторых случаях и дать новое объяснение расхождениям в синтаксических способах выражения одного и того же мыслительного содержания.

Расхождения в лексических системах разных языков

Известно, что основным средством выражения сообщений со значением свойства в русском и английском языках является составное адвербиальное сказуемое:

...он был *лыс* и *красноречив* до ужаса [Булгаков, 2010].

...he was *bald* and horribly *eloquent* [Bulgakov, 1967].

Однако в значительном количестве случаев английский язык вынужден прибегать к иным способам синтаксического оформления:

Только сейчас он [Варенуха] был уже не *воздушный*, а обыкновенный, *плотский*... [Булгаков, 2010].

Only now, he was no longer *made of air*; but of ordinary *flesh and blood*... [Bulgakov, 1967].

Здесь использование переводчиками в именной части сказуемого конструкции *Participle II + of + Noun* обусловлено двумя факторами. Во-первых, это типологические различия в сфере прилагательных. В английском языке, в отличие от русского, где прилагательные делятся на два основных разряда: качественные и относительные прилагательные, четко представлен только один разряд прилагательных – качественные прилагательные. Относительные же прилагательные представлены в английском языке ограниченной группой. Во-вторых, данное расхождение объясняется несовпадением систем лексических значений рассматриваемых языков. Так, английский язык располагает прилагательными «*airy*» и «*fleshy*». Однако среди значений «*airy*» нет значений «сделанный из воздуха» или «бестелесный» [Cambridge, www]. Прилагательное «*fleshy*» переводится на русский язык как толстый, мясистый [Cambridge, www].

Представляется, что здесь типологические различия в сфере прилагательных могут рассматриваться как манифестация несовпадения систем лексических значений рассматриваемых языков. Действительно, в рассмотренном примере в русском языке наименование выражаемого актуального смысла осуществлено средствами однословной номинации (воздушный; плотский), тогда как английский язык вынужден прибегнуть к использованию значений нескольких слов (*made of air*; *made of flesh and blood*).

В следующей паре предложений переводчики вновь прибегают к использованию атрибутивно-субстантивных словосочетаний для передачи плана содержания оригинального предложения:

...он *сволочь*, склочник, приспособленец и подхалим [Булгаков, 2010].

...he was a *scheming, quarrelsome, sycophantic swine* [Bulgakov, 1967].

В данном примере интересно, что переводчики не находят точных семантических эквивалентов в системе лексических значений английского языка. Докажем это утверждение, рассмотрев значения русского существительного *сволочь* и английского словосочетания «*scheming swine*». Английский глагол «*scheme*» толкуется как *to secretly make clever and dishonest plans to get or achieve something* [Longman, 2009] – секретно строить хитрые и бесчестные планы, чтобы получить что-либо или добиться чего-либо². Безусловно, «*сволочь*» определяемая словарями как негодяй, мерзавец, дрянной, подлый человек [Ефремова, 2000; Ожегов, Шведова, 1996] может строить хитрые и бесчестные планы, но представляется, что данное значение не является безусловным инвариантом и не входит в число узуально закрепленных за этим словом значений. Таким образом, в данном случае переводчику пришлось построить эвентуальную ассоциацию. Аналогичный вывод можно сделать и в отношении существительного: *swine* – *someone who behaves very rudely or unpleasantly* [Longman, 2009] – кто-то, кто ведет себя грубо и неприятно³.

Оставшиеся номинативные смыслы рассматриваемых предложений могут быть проанализированы аналогичным образом, и во всех случаях мы обнаружим лишь частичное совпадение значений. Тем не менее, перевод представляет собой вполне адекватное выражение плана содержания оригинального предложения.

Говоря о причинах рассмотренного выше расхождения в данной паре предложений, нельзя не упомянуть исследования А. Вежбицкой, которая обнаружила и проанализировала тот факт, что русский язык располагает несравнимо большим по сравнению с английским языком арсеналом существительных со значением резкой, отрицательной оценки. А. Вежбицкая объясняет этот факт такой чертой русского национального характера как любовь к моральным суждениям [Вежбицкая, 1996, 79-83].

В этой связи небезынтересно заметить, что английскому языку весьма и весьма присуще использование атрибутивно-субстантивных словосочетаний в именной части составных именных сказуемых, в том числе и при характеристике лиц, а особенно предметов и явлений, типа:

План был очень *хорош* [Булгаков, 2010].

The plan was a very *good one* [Bulgakov, 1967].

Свидание это было чрезвычайно *кратко* [Булгаков, 2010].

The meeting was a very *short one* [Bulgakov, 1967].

Заметим, что такая синтаксическая субстантивация осуществима практически для любого качественного прилагательного английского языка. А. Вежбицкая пишет: «Я думаю, что вообще говоря, прилагательные могут использоваться как существительные, если в

2 Перевод Бобкова О.Б.

3 Перевод Бобкова О.Б.

данной культуре свойство, описываемое прилагательным, воспринимается как образующее тип» [Вежицкая, 1996, 98]. Таким образом, данное наблюдаемое явление может поставить перед нами вопрос о том, не тяготеет ли английский язык к категоризации явлений окружающей действительности больше, чем русский.

Распределение значений между корневыми и словообразовательными морфемами. Сложившиеся техники маркирования реляционных отношений

Как известно, помимо того, что значения распределяются в разных языках неодинаково между корневыми морфемами, смыслы также могут модифицироваться посредством значений особых служебных знаков – словообразовательных морфем. Посмотрим, как распределение значений между вещественными и словообразовательными морфемами, наряду со сложившимися техниками указывания на реляционные отношения определяют языковое своеобразие. Например:

Он был нечестный человек в долгах, *соблазнитель женщин*, картежник, но он был ловкий, сметливый, памятный человек и умел хорошо вести дела [Толстой, 2011].

He was dishonest, had debts, had gambled, and *had seduced many women*; but he was clever, sagacious, and a good magistrate [Totsoy, 2006.].

Проанализируем здесь пару предикаций *он был соблазнитель женщин* – *he had seduced many women*.

Существительные с суффиксом *-тель* называют не только инициатора действия, но указывают на то, что это действие должно иметь по меньшей мере еще одного участника, помимо самого производителя. Причем этот другой участник должен выступать в семантической роли пациенса. Действительно слово *учитель* предполагает существование тех, кого он учит, *спасатель* предполагает наличие спасенных или спасаемых, а если существует *предатель*, то существуют и преданные им⁴.

Таким образом, имплицитно заложенная валентность сообщает как бы предшествующую предикацию, что представляется вполне естественным для русского языка, как языка высоко номинативного строя, стремящегося любое событие представить в виде развивающегося события [Мельников, 2000].

Однако только этим дело не ограничивается. Если взглянуть на существительные с суффиксом *-тель* более пристально, то можно обнаружить еще одну как бы предшествующую предикацию. Существительные с данным суффиксом образуются от глаголов, а русский язык располагает не просто глаголами, а видовыми парами глаголов, которые имеют различия в семантике: «Глаголы совершенного вида, непроизводные и производные

4 Оговоримся, что данное семантическое различие наблюдается хотя и в подавляющем большинстве случаев, однако не всегда. Например, *мыслитель* или *мечтатель* могут не предполагать других актантов.

от глаголов несовершенного вида, реализуют два семантических различия. Первый – это однократность, когда действие представлено как точка, т. е. такое, начало и конец которого совпадают (поцеловать, посетить, толкнуть и т. п.). Вариантом именно однократности выступает действие, представленное как строго ограниченный с обеих сторон отрезок («1 раз» в течение ограниченного времени), проплакать (всю ночь) и т. п. Второй – это результативность, когда действие представлено как отрезок, ограниченный конечной точкой, т. е. такой точкой, после которой действие не может продолжаться в силу своей внутренней исчерпанности (построить, написать, выучить и т. п.) ... И однократность, и результативность могут выступать только в глаголах совершенного вида» [Милославский, 2015, 12]. В этой связи небезынтересно рассмотреть, глагол какого вида из пары выбирает русский язык для образования существительных.

Так, существительными образованными от глаголов несовершенного вида при помощи словообразовательного суффикса *-тель* чаще всего обозначается либо род деятельности человека: *учитель, преподаватель, спасатель* и т. п., либо называется такое повторяющееся действие субъекта, которое не может получить «внутренней исчерпанности»: *мыслитель, мечтатель, наниматель* и т. п. Что же касается существительных – производных от глаголов совершенного вида, то они с необходимостью выражают сему результативности, сема однократности же может быть выражена или нет.

Нетрудно видеть, что предикация *он был соблазнитель женщин*, выраженная в русском языке составным субстантивным сказуемым, в английском выражена простым глагольным сказуемым: *he had seduced many women*. Сема результативности не является обязательным элементом значения английского глагола *to seduce* – это значение принимает на себя простое глагольное сказуемое в форме перфекта. Оно же берет на себя выражение событийного ракурса плана выражения. Грамматическая морфема Ø (Р. п., мн. ч.) выступает показателем реляции в русском предложении (*соблазнитель женщин*Ø). В английском языке данная реляция выражена аналитически при помощи порядка слов.

Заключение

Таким образом, причины тех различий между языками, которые наблюдаются на уровне грамматики, все еще требуют тщательного изучения. Представляется, что выявление и описание причин и способов существования языкового своеобразия может быть сделано только при условии осуществления сопоставительных исследований в ономаσιологическом аспекте. Такой подход дает возможность вскрыть глубинные причины синтаксического своеобразия языков. Мы полагаем, что в значительной степени это своеобразие определяется несовпадением лексических систем разных языков, распределением значений между корневыми и словообразовательными морфемами, а также сложившимися техниками указывания на реляционные отношения (синтетические и/или аналитические).

Библиография

1. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М.: Астрель, АСТ, Харвест, 2010. 640 с.
2. Вержбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: «Русские словари», 1996. 416 с.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. 1209 с.
4. Евгеньева А.П. (ред.) МАС – Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1981-1984. Т. 2. 752 с.
5. Мельников Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадильной. М: Из-во РУДН, 2000. 73 с.
6. Милославский И.Г. Видовая принадлежность русского глагола в обеспечении рецептивной и продуктивной речевой деятельности // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2015. № 74 (1). С. 11-18.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка М.: Аз, 1996. 736 с.
8. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
9. Сусов И.П. Глубинные аспекты семантики предложения // Солнцев М.В. (ред.) Проблемы семантики. М.: Наука, 1974. С. 58-65.
10. Толстой Л.Н. Произведения 1903-1910 гг. М.: Книга по требованию, 2011. Т. 14. 348 с.
11. Федосюк М.Ю. Он умер или Hi is dead? Сопоставительный синтаксис русского простого предложения в аспекте активной грамматики // Вестник МГУ, Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 4. С. 9-18.
12. Bulgakov M. The Master and Margarita. N.Y.: Vintage Books, 1996. 372 p.
13. Bulgakov M. The Master and Margarita. London: Collins and Harvill Press, 1967. 445 p.
14. Cambridge Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/>
15. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow: Pearson, 2009. 2081 p.
16. Totsoy L. The Forged Coupon. London: Hesperus Press, 2006. 96 p.

Onomasiological approach to contrastive syntax of Russian and English languages

Ol'ga I. Bobkova

Lecturer at the Department of Comparative Analysis of Languages,
Lomonosov Moscow state university,
119192, 31/1, Lomonosovsky av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: olgabobkova8@gmail.com

Abstract

Objective. The article considers some prospects for carrying out comparative studies of syntax in the onomasiological aspect in the case of Russian and English languages. **Methodology.** Research methodology involves application of general and special methods of cognition, including analysis, synthesis and comparison. The author uses onomasiological syntactic contrastive analysis to examine separate linguistic units. **Results.** Comparative studies conducted in semasiological perspective do not set as their aim offering a comprehensive account of the reasons of all the discrepancies between the languages and consequently much remains to be done in the field. The article aims to demonstrate how onomasiological comparative studies can provide us with the information about the factors which underlie the differences in grammatical patterns in the languages under discussion. The examples confirm that in different languages the values are distributed between the root morphemes unequally, the meanings can also be modified by means of the values of special service signs – derivational morphemes. **Conclusion.** It is possible to assume that there are following most important factors that influence the syntactic discrepancies: differences in the lexical systems of the languages, syntactic or analytic structure of the languages, and some others. Comparative studies can clarify, and in some cases, provide a new explanation for differences in the syntactic ways of expressing the same content.

For citation

Bobkova O.I. (2017) Ob onomasiologicheskom podkhode k sopostavitel'nomu sintaksisu russkogo i angliiskogo yazykov [Onomasiological approach to contrastive syntax of Russian and English languages]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (1A), pp. 479-488.

Keywords

Semantics, contrastive syntax, semasiological approach, onomasiological approach, Russian, English.

References

1. Bulgakov M. (1967) *The Master and Margarita*. London: Collins and Harvill Press.
2. Bulgakov M. (1996) *The Master and Margarita*. N.Y.: Vintage Publ.
3. Bulgakov M.A. (2010) *Master i Margarita* [The Master and Margarita]. Moscow: Astrel', AST, Kharvest Publ.
4. *Cambridge Dictionary*. Available at: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/> [Accessed 15/12/2016].
5. Efremova T.F. (2000) *Novyi slovar' russkogo yazyka* [The new dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkii yazyk Publ.

6. Evgen'eva A.P. (ed.) (1982) *MAS – Slovar' russkogo yazyka* [Small Academic Dictionary – Dictionary of Russian]. Vol. 2. Moscow: Russkii yazyk Publ.
7. Fedosyuk M.Yu. (2005) On umer ili He is dead? Sopostavitel'nyi sintaksis russkogo prostogo predlozheniya v aspekte aktivnoi grammatiki [On umer or He is dead? Contrastive syntax of simple Russian sentences: Onomasiological aspect]. *Vestnik MGU. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of MSU. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication], 4, pp. 9-18.
8. *Longman Dictionary of Contemporary English* (2009). Harlow: Pearson.
9. Mel'nikov G. P. (2000) *Sistemnaya tipologiya yazykov: sintez morfologicheskoi klassifikatsii yazykov so stadial'noiy* [System typology of languages: the synthesis of the morphological classification of languages and the stage classification.] Moscow: RUDN Publ.
10. Miloslavskii I.G. (2015) Vidovaya prinadlezhnost' russkogo glagola v obespechenii retseptivnoi i produktivnoi rechevoi deyatel'nosti [Russian verbal aspect in providing receptive and productive processes]. *Rossiiskaya Akademiya Nauk. Izvestiya* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 74 (1), pp. 11-18.
11. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (1996) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Az Publ.
12. Sapir E. (1921) *Language: An introduction to the study of speech*. New York: Harcourt, Brace and company. (Russ. ed.: Sepir E. (1993) *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii*. Moscow: Progress Publ.)
13. Susov I.P. (1974) Glubinnye aspekty semantiki predlozheniya [Deep aspects of semantics of sentence]. In: Solntsev M.V. (ed.) *Problemy semantiki* [Problems of semantics]. Moscow: Nauka Publ., pp. 58-65.
14. Tolstoi L.N. (2011) *Proizvedeniya 1903-1910 gg* [Collected Works (1903-1910)]. Vol. 14. Moscow: Kniga po trebovaniyu Publ.
15. Totsoy L. (2006) *The Forged Coupon*. London: Hesperus Press.
16. Verzhbitskaya A. (1996) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkie slovari Publ.